

ПРОБЛЕМЫ АНТИКОВЕДЕНИЯ
НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «XIV ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
Н.П. СОКОЛОВА. В ТЕНИ МНЕМОЗИНЫ: КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ОБЩЕСТВАХ ПРОШЛОГО»
(Нижний Новгород, 16–18 октября 2014 г.)

16–18 октября 2014 г. в Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского состоялась научная конференция «XIV чтения памяти профессора Н.П. Соколова. В тени Мнемозины: коммеморативные практики в обществах прошлого». На четырех проблемно-тематических секциях и одном круглом столе было представлено более 40 докладов. По сложившейся традиции, немалая их часть была посвящена разнообразным вопросам античной истории от классической Греции до эпохи поздней античности.

На заседании секции «Репрезентации прошлого в фокусе современных междисциплинарных подходов: проблемы теории и практики» с докладом «Развитие мышления и памяти человека: историко-цивилизационный аспект» выступил *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород). Он высказал критическое отношение к точке зрения, согласно которой древнегреческая философская и историческая мысль своими истоками восходит к религиозной форме сознания. По мнению докладчика, в древней Греции уже в ахейский период получило развитие секулярное мышление и началось ослабление позиций религии, и поэтому корни греческой философии и историописания следует связывать не с пророками и мифографами, а с любопытством древнего человека и его стремлением объяснить окружающую действительность.

На двух заседаниях секции «Культурная самобытность и образы Иного в мемориальных традициях древности» было представлено девять докладов, посвященных антиковедческой проблематике. *М.С. Чисталев* (Нижний Новгород) в докладе «Римские экспедиции в отдаленные районы Верхнего Египта и Нубию в конце I в. до н.э. – II в. н.э.» рассмотрел первые контакты римлян с кушитами и, отметив, что большая часть римских экспедиций в отдаленные районы Верхнего Египта и Нубию так или иначе была связана с военными действиями, обратил внимание на то, что именно экспедиции Нерона удалось достичь наиболее отдаленных районов Нильского бассейна, установив тем самым предел проникновения римлян в области Африки к югу от Египта. *Е.Г. Маргарян* (Ереван) в докладе на тему «Митраизм в религиозно-этической системе древнего мира. Армения, Коммагена, Рим» остановился на взаимодействии Рима с сетью высокоразвитых переднеазиатских эллинистических государств. Подчеркнув межцивилизационный характер этого взаимодействия, в котором соучаствовали римский и греческий (преимущественно эллинистический, включавший и древневосточное наследие) варианты античной цивилизации, варварский племенной мир и локальные субцивилизации (включая то, что можно назвать «североэллинистической субцивилизацией», к которой относятся в частности Армения, Каппадокия, Коммагена, Киликия и Понт), автор рассмотрел распространение митраизма как результат и фактор кросс-культурного диалога различных цивилизационных образований.

В докладе *Е.А. Молева* и *Н.В. Молевой* (Нижний Новгород) «МННМНШ ХΑΡΙΝ... Чья память была увековечена в боспорских надгробных эпитафиях?» были проанализированы надгробные надписи Боспора и сделан вывод, что поэтические творения боспорян в 28 случаях из 46 отражают не только отношение к покойным и их качества, но также чувства и чаяния живых людей, их стремление превознести и свои добродетели. *С.А. Доманина* (Нижний Новгород) выступила с докладом «Эволюция образа кельтских друидов в исторической памяти древнего Рима». Она отметила, что в глазах римлян образ друидов носил двойственный характер: в них видели мудрецов и наставников, но их связь с человеческими жертвоприношениями воспринималась негативно. Эта двойственность нашла отра-

жение в римской историографии, где абсолютизируется то положительная, то отрицательная сторона «исторического портрета» друидов в зависимости от политической конъюнктуры.

Истории эллинизма был посвящен доклад *Н.Ю. Сивкиной* (Нижегород) «Роль прошлого в выборе будущего: несколько решений, изменивших историю Греции в III–II вв. до н.э.». Был предложен анализ трех политических решений, повлиявших на историю эллинистической Эллады. Это, во-первых, решение ахейцев о заключении союза с Македонией, принятое в 224 г. до н.э., после чего македонский царь Антигон мог вновь вмешиваться во внутренние дела греков; во-вторых, решение этолийцев, призвавших в 212 г. до н.э. римлян в Грецию; в-третьих, решение ахейцев разорвать союз с Македонией и перейти на сторону римлян в ходе второй римско-македонской войны, что способствовало не только поражению македонян в этой войне, но и установлению римского господства в Греции. Каждое из этих решений принималось после острых дебатов, в которых ораторы широко использовали исторические примеры, но для достижения нужного эффекта не останавливались перед замалчиванием или прямым искажением исторических фактов.

Эллинистическая тематика была продолжена в докладе *С.К. Сизова* (Нижегород) «Коллегия дамиургов в Ахейском союзе». Докладчик отметил, что коллегия из десяти выборных должностных лиц традиционно считается совещательным органом при страте, своего рода свитой главы федерации. Однако этот орган имел и собственную, независимую от стратега сферу компетенции. Опубликованная недавно мессенская надпись (SEG. LVIII. 370) отчетливо демонстрирует, что дамиурги, помимо прочего, выполняли в союзе важнейшую функцию контроля за соблюдением федеральных законов, причем были наделены правом самостоятельно, без участия стратега, наказывать нарушителей штрафом. Благодаря этим данным в новом свете предстают описанные в нарративной традиции случаи конфликтов между стратегом и дамиургами. Подоплека этих конфликтов состояла не только в противоборстве политических группировок, как обычно считается, но и в том, что дамиурги в каждом случае старались выполнять одну из своих главных задач – противодействовать любому нарушению ахейских законов, даже если автором противозаконного предложения выступал верховный магистрат федерации.

Римская тематика получила освещение в трех докладах. *Т.В. Крылова* (Ярославль) в докладе «Трехязычная надпись Гая Корнелия Галла: история изучения» обратилась к эпиграфическому тексту, повествующему о достижениях первого префекта Египта, и проанализировала дискуссии по вопросу о целях создания данного памятника, различные подходы к объяснению расхождений в латинской и греческой версиях текста, варианты восстановления и перевода египетского текста, а также интерпретации сведений о нубийской кампании Галла. Доклад «Надписи на римских “парадных” доспехах: коммеморативная практика или знаки принадлежности?» представил *А.Е. Негин* (Нижегород). Проанализировав эпиграфический материал, автор пришел к выводу, что коммеморация может рассматриваться лишь в качестве дополнительной составляющей части той информации, которую несут надписи на предметах вооружения. Главной же целью их появления была все же необходимость обеспечить идентификацию доспехов с их владельцем.

К.В. Марков (Нижегород) в докладе «Специфика восприятия императорской власти греческими авторами Второй софистики» охарактеризовал ключевые факторы, определявшие отношение греческих интеллектуалов II–III вв. н.э. к Риму, такие, как этническая и культурная идентичность эллинов, специфика римского правления в греческих землях, социальное положение и особенности жизненного пути отдельных писателей. Вопреки наметившейся в последнее время тенденции рассматривать именно культурную идентичность в качестве ключевого фактора, дающего основу для обобщений, материалы доклада показывают, что в оценках и суждениях Плутарха, Элия Аристиды, Арриана, Павсания, Галена, Флавия Филострата, Диона Кассия имеются определенные различия, которые могли быть связаны с особенностями социального положения авторов и разной степенью вовлеченности в римское общество.

Проблемы рецепции античного наследия стали предметом доклада *А.Г. Грушевого* (Санкт-Петербург) «Античные представления об идеальном гражданине в обществе и варианты их влияния на современную действительность». По мнению докладчика, говоря о восприятии мыслителями XVI–XVIII вв. античных идей и общих формулировок, отражающих суть политической организации общества и образ гражданина, необходимо иметь в виду, что, помимо созидательных идей, из античности в современность перекочевали и консервативно-охранительные взгляды.

В ряде докладов, прозвучавших на заседаниях секции «Осмысление прошлого и практики коммеморации в культурах поздней Античности, Средневековья, раннего Нового времени», были затронуты проблемы позднеантичного историописания. *М.М. Синица* (Белгород) в своем докладе «Геополитическое положение Римской империи и проблемы интерпретации римской истории в VI в. (по Иоанну Лиду) в свете международных отношений в античном мире» попыталась обосновать тезис о том, что в сочинении «О магистратах римского народа» Иоанна Лида представлена

целостная концепция истории Рима, характерная для первой половины VI в., со всеми искажениями, типичными для данного времени. При этом важное место в ней занимали межкультурные взаимодействия, сформировавшие римскую цивилизацию. *И.Ю. Вацеева* (Нижегород) в докладе «Исторический нарратив в практиках коммеморации позднеантичной эпохи: “Церковные истории” IV–VII вв. в поисках прошлого» говорила о формировании особого образа прошлого в церковно-исторической традиции IV–VII вв. и показала, как силами церковных историков производился отбор и актуализация событий, образов и персоналий прошлого, значимых для формирующегося христианского сообщества и наполняющих смысл жизнь в настоящем. *П.А. Аюбян* (Нижегород) в своем выступлении на тему «Светская и церковная линии повествования в “Истории Армении” Павстоса Бузанда» провел анализ предмета исторического повествования армянского историка V в. н.э. и обосновал вывод о том, что выявление многомерности событийной стороны истории позволило этому писателю переосмыслить сам предмет исторического повествования: выделив две основные линии истории – светскую и церковную, Павстос Бузанд стремился акцентировать внимание не на автономности каждой из них, а на их концептуальном взаимодействии.

В рамках конференции был проведен Круглый стол на тему «Октавиан Август: личность и эпоха в памяти поколений и историографическом дискурсе». На двух его заседаниях участники заслушали и обсудили шесть докладов, каждый из которых вызвал оживленный обмен мнениями. Дискуссию открыл доклад *А.В. Махлаюка* (Нижегород) «Политики памяти Октавиана Августа». Подчеркнув, что отношение к прошлому – как к совсем недавнему, так и к далекому полуполюгендарным временам – приобрело особое значение в правление первого принцепса и в силу его личностных устремлений, и под воздействием самой исторической ситуации, докладчик охарактеризовал основные направления и средства коммеморативной политики Октавиана. «Поле истории» стало важнейшей областью его интересов, требовавшей самого пристального внимания и существенных ресурсов, ибо формированием образов прошлого определялся и тот проект настоящего и будущего Рима, который стремился внедрить в общество Август. Использование памяти о прошлом было для него важным ресурсом легитимации своего властного положения и династических планов.

Е.В. Ляпустина (Москва) в докладе «“Принципат Августа” Н.А. Машкина в историческом и историографическом контексте» подробно остановилась на истории и обстоятельствах создания первого на русском языке капитального труда о принципате Августа и предложила объяснение характерных особенностей его структуры и формы. Работа, которую Н.А. Машкин писал с большим напряжением во время войны, находясь в эвакуации, во многом основывалась на его опыте преподавания в МГУ и должна была служить докторской диссертацией, защита которой состоялась в 1942 г. Именно после этого он стал «признанным руководителем» московских историков древнего мира. Однако основной интерес Н.А. Машкина – исследователя был направлен на Римскую Африку, работа о которой так и осталась незаконченной.

О.В. Любимова (Екатеринбург) в докладе «Женитьба Октавиана на Ливии: выгоды или риски?» оспорила преобладающее в историографии мнение, будто брак с Ливией обеспечил Октавиану союз с нобилитетом. Этот брак, сопровождавшийся громким скандалом, напротив, должен был оттолкнуть консервативную аристократию; и при внимательном анализе источников выясняется, что не известно ни одного нобилия, чей переход на сторону Октавиана можно было бы связать с его женитьбой на Ливии. Доклад *А.М. Сморгочкова* (Москва) «Религиозная политика Августа: память о прошлом» был посвящен тем мероприятиям принцепса в области религии, которые представляются наиболее свободными от современных им политических интересов и целей и имеющими, казалось бы, антикварный интерес. Речь идет о возрождении старинных жречеств (прежде всего арвальских братьев и луперков), возобновлении редких и значимых ритуалов (*ludi saeculares* и *augurium salutis*), восстановлении древних храмов, а также о статусе лиц, имеющих право на *spolia opima*. Анализ показал, что даже в этих мероприятиях интерес Августа к римской религиозной архайке оказывается весьма прагматичным, а любое обращение к старинной религии сопровождалось значительными инновациями, в совокупности создавшими совершенно новую религиозную систему.

А.Л. Смышляев (Москва) в своем докладе «Август в сочинениях римских юристов» обратился к тому образу основателя принципата, который сложился в представлении римских юристов II – начала III в. н.э. Рассмотрев упоминания Августа в дошедших до нас фрагментах из сочинений римских юристов в сравнении с упоминаниями и оценками других императоров, автор пришел к выводу, что в представлении юристов Август был идеальным правителем, примером для подражания. В докладе «Храм Марса на форуме Августа: месть парфянам или месть за Цезаря?» *С.Э. Таривердиева* (Екатеринбург) сначала проанализировала распространенную точку зрения, согласно которой Август отодвинул на задний план первоначальное значение храма Марса Мстителя на своем форуме – месть за убийство Цезаря – и связал с ним внешнеполитическое достижение – возвращение знамен, а затем попыталась доказать, что ситуация была обратной: возвращение знамен навело Августа на мысль

придать храму, который было решено возвести в честь этого события, еще один смысл – служить напоминанием о свершившейся мести за убийство Цезаря.

На завершающем работу конференции пленарном заседании выступила *Л.П. Ретина* (Москва). В докладе «Историческое событие в дискурсах истории историков и истории памяти» было представлено теоретическое обобщение современных подходов в области изучения исторической памяти. Как подчеркивалось в выступлении, события прошлого – базовая составляющая социальной памяти, но вместе с тем они служат отправной точкой исторического сочинения и важной категорией исторического анализа. Наряду с особым вниманием, уделяемым ей в новых модификациях событийной истории, эта категория обрела новый статус в исследованиях по истории памяти – в форме культурного конструкта, исторического символа, «образа» значимого события.

Далее А.В. Махлаук и Л.П. Ретина познакомили участников конференции с задачами и первыми итогами работы научно-исследовательской лаборатории «Терминология источников: проблемы трансляции и интерпретации в современном историографическом дискурсе», созданной в начале 2014 г. при поддержке гранта в рамках реализации Программы повышения конкурентоспособности Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, одним из направлений которой является создание на базе подразделений ННГУ совместных с институтами РАН научных коллективов. Было, в частности, отмечено, что классическое антиковедение, являющееся одним из исследовательских приоритетов в деятельности лаборатории, не должно замыкаться на своих узкоспециальных темах и задачах, но, во взаимодействии с другими отраслями гуманитарно-исторического знания, может вносить существенный вклад в разработку методологических проблем современной историографии. На это нацелена и работа лаборатории, и организация разнообразных научных мероприятий в Нижегородском университете.

Alexander V. Makhlayuk,
Lobachevsky State University of Ni-
zhny Novgorod, Russia

makhl@imomi.unn.ru

А.В. Махлаук
доктор исторических наук, профессор,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 3, с. 245–247

«КРУГЛЫЙ СТОЛ», ПОСВЯЩЕННЫЙ ПАМЯТИ

А.Е. ПАРШИКОВА (1940–1984)

(Самара, 11 октября 2014 г.)

11 октября 2014 г. в Самарском филиале Московского городского педагогического университета прошел «круглый стол», посвященный памяти А.Е. Паршикова (1940–1984), исследователя истории древней Греции, который в 1970-х – первой половине 1980-х годов жил и работал в Куйбышеве (Самаре).

Алексей Егорович Паршиков родился 24 марта 1940 г. в селе Хвастовичи Калужской области¹. С 1957 по 1962 г. он учился на историческом факультете Одесского государственного университета, где затем в 1964–1968 гг. был аспирантом П.О. Карышковского (1921–1988). В 1966–1968 гг. А.Е. Паршиков стажировался на кафедре истории древней Греции и Рима Ленинградского государственного университета, будучи участником семинара Э.Д. Фролова наряду с Ю.В. Андреевым (1937–1998) и С.П. Борисковской (1937–2001).

Во второй половине 1960-х годов А.Е. Паршиков начал публиковаться в одесских изданиях и в «Вестнике древней истории». Первая его работа была посвящена эпиграфическому памятнику эллинистического времени – декрету в честь архитектора Эпикрата из Византия (Syll.³ II 707). Однако в

¹ Подробнее об А.Е. Паршикове см. *Кузьмин Ю.Н., Макарова О.М.* А.Е. Паршиков и история Афинской морской державы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 14. СПб., 2014. С. 443–454; полный список работ А.Е. Паршикова: С. 452–453.